

Секретарь тихо пояснял, что эти люди — некое уездное руководство и начальство филиала, которые очень надеются на инвестиции Чжао Миня в развитие новых отраслей, чтобы поднять местный ВВП и улучшить ситуацию на региональном рынке труда.

— Генеральный директор Чжао, — слегка согнувшись в поясничном отделе и озарив лицо услужливой улыбкой, начальник филиала проводил их к отдельному кабинету.

Чжао Миня привычным жестом усадили на главное место, а место главного гостя оставили тому руководителю. Цзян И хотел было примоститься на каком-нибудь незаметном месте для подчиненных, но Чжао Минь усадил его рядом с собой.

Во время застолья начальник филиала полусогнувшись поднес зажигалку к сигарете Чжао Миня и с улыбкой представил:

— Генеральный директор Чжао, это начальник канцелярии Ли, в дальнейшем всеми деталями и текущими вопросами будет заниматься он.

Зажав сигарету в зубах, Чжао Минь равнозначно хмыкнул в ответ, но его взгляд скользнул по заставленному яствами столу и остановился на бокале перед Цзян И.

— Уберите, — произнес он негромко. — Он не пьет.

— ... — Цзян И и впрямь не горел желанием участвовать в этих распитиях.

Перед ним тут же очутился стакан теплой медовой воды, и Цзян И мгновенно вспомнил одну глубокую ночь, когда он, хриплым голосом ворча, жаловался Чжао Миню, а тот по крошечной ложечке поил его медовой водой.

Пробыв в оцепенении всего лишь мгновение, Цзян И пришел в себя. Одолеваемый сложными чувствами, он просто молча слушал разговоры за столом.

Помощники, тонко улавливая малейшие изменения атмосферы, раскладывали изысканные блюда по тарелкам Чжао Миня. Цзян И сидел с отрешенным видом, слушая, как четко и последовательно Чжао Минь излагает свой план. Этот человек по-прежнему оставался амбициозным и одержимым жаждой контроля.

— Начальник Ли, — внезапно сменив тему, Чжао Минь перевел всеобщее внимание на Цзян И.
— Все детали плана будете обсуждать с генеральным директором Цзяном.

Тот вовсе не собирался вмешиваться в операционную деятельность компании Чжао Миня. Подняв глаза, он с пытливым интересом посмотрел на Чжао Миня.

Сохраняя невозмутимое выражение лица, Чжао Минь обратился к начальнику Ли с добавлением:

— Я буду слушать его.

Улыбка на лице начальника Ли мгновенно застыла, в глубине глаз мелькнуло неверие, сменившееся еще большей осторожностью, после чего он принялся с опаской и трепетом обсуждать с Цзян И рабочие вопросы.

Заметив, как увлекся начальник Ли, снова собиравшийся предложить Цзян И сигарету, Чжао Минь нахмурился, преграждая ему путь, и бросил жестким тоном:

— Он не курит.

— ... — И он действительно не курил толстые сигареты.

Цзян И поднял глаза на Чжао Миня, на мгновение лишившись слов. Он перестал понимать Чжао Миня.

Возможно, раньше они понимали друг друга с полуслова, но с тех пор, как они расстались столько лет назад... глядя на властного и подавляющего всех своей аурой Чжао Миня, восседающего на главном месте, Цзян И далеко не в первый раз ощутил звенящую чуждость.

Банкет подошел к концу, и ночной ветер ворвался с улицы, принес с собой прохладу глубоких гор.

Чжао Минь набросил свое пальто на плечи Цзян И, его дыхание, пахнущее алкоголем, коснулось кожи на боковой стороне шеи, а мягкий голос звучал с оттенком обиды:

— Почему ты сегодня не ел медовые кедровые орешки?

— Ты напился, — Цзян И попытался высвободиться, но его втащили в темный переулок.

Прижав его спиной к стене, Чжао Минь детским тоном произнес:

— Неужели они тебе больше не нравятся? Медовые кедровые орешки.

В этот момент Цзян И вдруг понял, о чем именно говорил Чжао Минь. Но ведь это был Юнчуань.

— Да, — Цзян И сорвал с плеч пальто, швырнул его в Чжао Миня и продолжил чеканить

каждое слово:

— Мало того что не нравятся, от них меня просто воротит.

— Стоит мне увидеть их, как перед глазами встает твое лицемерное лицо.

Взгляд Чжао Миня понемногу потускнел, и он тихо произнес:

— Я не был лицемерным.

Цзян И горько усмехнулся. В царившей вокруг тишине этот смешок прозвучал пронзительно и резко:

— В это даже собаки не поверят.

Пять лет назад Цзян И больше всего на свете любил сладкое, особенно медовые кедровые орешки, в то время как Чжао Минь сладкого терпеть не мог, но всегда с радостью готовил их для него.

Цзян И помнил ночь, когда Чжао Минь впервые приготовил медовые кедровые орешки — всё тогда шло кувырком.

В тот день у Чжао Миня был день рождения, и у Цзян И были на этот счет свои виды. Они целый месяц проспали, прижимаясь друг к другу на одной кровати, однако каждую ночь Чжао Минь вел себя предельно целомудренно: лишь обнимал его, целовал, а затем шел в ванную.

Иногда, теряя терпение, Цзян И ложился грудью на Чжао Миня, обвивал руками его шею, слегка терся о него и с обиженным видом смотрел на него снизу вверх:

— Чжао Минь, я голоден.

Чжао Минь всегда глубоко вздыхал, брал его лицо в ладони, целовал и уговаривал:

— Будь послушным.

Но Цзян И и не думал слушаться. Он со злостью кусал Чжао Миня за шею и сквозь зубы цедил:

— Руками. Быстрее.

Разве можно быть таким человеком?

Сегодня вечером он непременно собирался «сожрать» Чжао Миня.

Вернувшись после работы, Чжао Минь принес купленные по дороге сладости. Иногда это были пирожные, иногда пирожные с мясной соломкой. Расставив еду, он сказал:

— Сегодня купил кедровые орешки.

Глаза Цзян И сверкнули, все его мысли были заняты сегодняшним планом, и он рассеянно отозвался:

— Хорошо.

Пока Чжао Минь готовил медовые кедровые орешки, Цзян И взял одну штучку в рот и пробормотал:

— Чжао Минь, сыграй со мной в лудо.

— Зачем? — удивленно посмотрел на него Чжао Минь.

— Кто проиграет, тот первым целует другого, — сладко протянул Цзян И.

— Ладно, — Чжао Минь взъерошил его волосы, и его взгляд смягчился. — Поешь, а потом выпей лекарство.

Ночь становилась все глуше.

Сыграв несколько партий в лудо, Цзян И обнаружил, что удача откровенно отвернулась от Чжао Миня — попытаться поддаться ему было сложнейшей задачей. Поцелуи Чжао Миня сыпались один за другим, и каждый раз они были лишь легким касанием губ. Когда Цзян И пытался углубить поцелуй, они, то отступая, то нападая друг на друга, спустя пару мгновений уже катились по ковру.

Цзян И закинул руки ему за шею, снова требуя поцелуя, и оба прекрасно осознавали телесную реакцию друг друга.

Когда Цзян И захотел продолжить...

Чжао Минь, приложив все силы к тому, чтобы сдержаться, хрипло произнес:

— Хватит играть, послушный мой.

— Почему? — Цзян И пытался восстановить дыхание, ощущая себя парящим где-то в облаках.

— ...Уже слишком поздно. — Чжао Минь сделал движение, собираясь встать.

Цзян И обвился вокруг его шеи и слегка укусил:

— Учитель Чжао, неужели ты сдуря? — С этими словами он забросил в рот орешек и припал к его губам. Орешек закатился у них во рту, сладость меда становилась все гуще, и наконец Цзян И отдал приказ:

— Проглоти.

Во рту стоял густой, не тающий сладкий аромат.

Чжао Минь резко подхватил его на руки и перенес на кровать. И как только Цзян И решил, что задуманное наконец удастся довести до конца, Чжао Минь вдруг разжал руки.

Цзян И щелчком выключил свет, потянул Чжао Миня за воротник, и его голос сочился соблазном:

— Учитель Чжао, я приготовил тебе подарок.

— ...

— Не смотри, просто потрогай.

Это был галстук.

Чжао Минь потянулся к выключателю. Цзян И удержал его:

— Я сам завяжу.

— Темно же...

— Нагнись ближе.

Чжао Минь послушно подался вперед. Цзян И молниеносно завязал узел галстука на его запястьях, резким движением притянул к себе и перевернулся, оседлав его грудь.

— Ии, баловаться нельзя.

Цзян И и не думал слушать. Смертельно голодный, он легонько покусывал Чжао Миня за шею, ощущая, как бешено вздымается его грудь.

— Никаких баловств.

— Слезай быстрее, — подгонял он, и его голос уже звучал на пределе.

Цзян И продолжал целовать его, дразня понемногу.

Чжао Минь почти терял рассудок. На грани срыва, сбивчиво переводя дыхание, он прошептал:

— Выйдешь за меня? Солнышко моё.

— Я получил полную стипендию на докторантуру в Америке...

— Давай поженимся, а?

Цзян И не дал ему договорить.

Внезапно в голове у Чжао Миня всё опустело, а кровь в жилах закипела и бросилась в голову.

Издав пару приглушенных стонов, Цзян И уткнулся лицом ему в шею и с трудом выговорил:

— Съел... Учителя Чжао. С днем рождения.

— ...Как же тесно.

Чжао Минь окончательно потерял рассудок.

— Я же не надел... Эй...

Цзян И проснулся в полдень.

Вспоминая события прошлой ночи, он потер поясницу: откуда ему было знать, что у Чжао Миня есть и такая сторона? Стоило ему лишь обронить фразу, будто Чжао Минь полон воздержания и чистоты, как тот разъярился еще сильнее, да еще и заявил, что каждую ночь мечтает доводить его до слез.

Какая-то нелепость.

— Я всегда был искренен с тобой.

Придя в себя и вспоминая всю эту фарсовую чепуху, Цзян И думал о том, что Чжао Минь всегда оставался пассивной стороной — и поцелуи, и близость случались лишь тогда, когда он сам выступал инициатором, а Чжао Минь лишь подчинялся. Разве настоящая любовь — это не потеря контроля?

— Правда, — опустив голову, промолвил Чжао Минь. Лунный свет был слишком тусклым, и Цзян И не мог разглядеть его выражение лица.

Цзян И холодно усмехнулся, бросив легкомысленный тон:

— Обязательно верю. — Но в этих словах каждый расслышал бы издевку.

— Ты...

Цзян И чуть подался вбок, освобождая проход к выходу из переулочка, и отстраненно бросил:

— Генеральный директор Чжао, я поверю во всё, что вы скажете. А теперь вы можете меня отпустить?

Чжао Минь неожиданно схватил Цзян И за руку и произнес:

— Я не солгал тебе ни в едином слове.

— Правда, — повторил он снова, но голос его звучал все мрачнее.

— Чжао Минь, — вздохнул Цзян И, источая бесконечную усталость. — Ты понимаешь, где мы?

Юнчуань.

То самое место, куда Чжао Минь когда-то приводил его давать клятву горному божеству.

В тот летний отпуск Чжао Минь привез его на Гору Цзюйшань. Чжао Минь был народности мяо, и как-то раз Цзян И даже спрашивал его, умеет ли он напускать чары-гу, на что Чжао Минь со смехом ответил, что уже околдовал его своими чарами и будет любить до конца дней только его одного.

Цзян И тогда выбился из сил, и Чжао Минь согнул свою худую спину, надежно взвалив его на себя.

Горный ветер свистел так сильно, что штормовка Чжао Миня надувалась пузырем. Сам он был худым, и его выступающие позвонки больно впивались Цзян И в грудь.

— Чжао Минь...

— Мм?

— Спусти меня.

— Не спущу.

В ушах шумел лишь глухой шелест ветра. Наперекор ветру, негромко, но чеканя каждое слово, Чжао Минь произнес:

— Я женюсь на тебе.

— Мы никогда не расстанемся в этой жизни.

— Я отведу тебя к горному божеству.

Сияя от счастья, Цзян И ответил:

— Хорошо, я согласен.

Ветер усиливался, ночь сгущалась.

Теперь же ветер в переулке кружил лишь на месте, поднимая в воздух опавшую листву, над горами клубились темные тучи, небо окрасилось в багрово-оранжевые тона, предвещая скорую духоту перед грозой.

Сухим, осипшим голосом Чжао Минь заговорил вновь:

— Клянусь, я никогда тебя не обманывал.

Все эти тяжелые, полные боли воспоминания всплыли на поверхность. Доведенный до предельного раздражения, Цзян И резко оборвал его:

— Хватит ломать комедию передо мной, Чжао Минь.

— Говори прямо: чего ты добиваешься от меня на этот раз?

Связей? Или чего-то еще? Ничего из этого у Чжао Миня, казалось, и так не было недостатка, но Цзян И даже не хотел об этом думать.

Он желал лишь одного — поскорее положить конец этому противостоянию. Из-за клубящихся грозовых туч пробился слабый лунный свет.

В этом тусклом мареве он различил лишь то, как Чжао Минь сдавленно всхлипывает, едва сдерживая рыдания.

<http://bllate.org/book/25813/3085179>